

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Костылева Ольга Владимировна

**Публичные призывы к осуществлению террористической
деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма:
уголовно-правовое исследование**

Специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – ***Крылова Наталья Евгеньевна,***
доктор юридических наук, доцент

Официальные оппоненты – ***Борисов Сергей Викторович,***
доктор юридических наук, доцент, Верховный Суд Российской Федерации, Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики, отдел систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, советник;
Хлебушкин Артем Геннадьевич,
доктор юридических наук, доцент, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», кафедра уголовного права, профессор;
Кунашев Ашамаз Адальбиевич,
кандидат юридических наук, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главное уголовно-судебное управление, старший прокурор отдела.

Защита диссертации состоится «19» декабря 2024 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д. 1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд. 536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3252>.

Автореферат разослан «__» ноября 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

В.В. Степанов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Мировое сообщество, активно ведущее несколько последних десятилетий борьбу с терроризмом, сделало в ней ставку на принятие самых широких мер упреждающего характера. Сегодня уголовно-правовая репрессия не в последнюю очередь направлена на противодействие распространению террористической идеологии, что выражается в появлении в уголовном законодательстве разных стран не только специальных норм об ответственности за публичное подстрекательство (призывы) к совершению террористических преступлений, но и широких запретов публичной апологии (прославления, оправдания, поощрения) и пропаганды терроризма.

Данные судебной статистики Российской Федерации свидетельствуют о постоянно возрастающем внимании следственно-судебной практики к противодействию деяниям, содержащим признаки преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»). Так, если в первые годы действия указанной статьи число осужденных по ней не превышало 2-5 чел. в год, то к 2017 г. оно достигло 100 чел., а в 2022 г. – превысило 300 чел. В 2023 г. число осужденных по ст. 205² УК РФ составило 345 чел., 90% из которых – по ч. 2 этой статьи (с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей)¹. Рост числа осужденных за совершение аналогичных преступлений отмечается и в других государствах, сталкивающихся с всплеском террористического насилия.

Практика применения в разных национальных правовых системах уголовно-правовых запретов публичного оправдания, восхваления, апологии терроризма не раз становилась предметом критики со стороны межгосударственных органов по защите прав и свобод человека. Это является реакцией на общемировую

¹ См. статистику числа осужденных лиц за 2007-2023 гг. на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ (отчеты № 10-а) // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

тенденцию к ужесточению уголовно-правовой политики в сфере борьбы с распространением террористической пропаганды, проявляющуюся как в расширении круга криминализируемых деяний, так и в подчас неизбирательном применении соответствующих норм.

Складывающаяся в смежной сфере уголовно-правового противодействия экстремистским преступлениям практика вызвала обеспокоенность и на внутригосударственном уровне. В 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ дополнил свое постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указаниями, призванными способствовать применению антиэкстремистского уголовного законодательства с учетом гарантий свободы выражения мнения. Внимание судов было обращено на необходимость устанавливать умысел и цели лица, распространяющего информацию, а также обсуждать возможность применения нормы о малозначительности, не в последнюю очередь учитывая обострившуюся проблему квалификации действий по размещению чужих сообщений в социальных сетях путем репостов.

В Российской Федерации вопрос об обоснованности криминализации публичного оправдания идеологии терроризма ставился еще на этапе парламентских обсуждений законопроекта; тогда же было отклонено предложение указать в ст. 205² УК РФ на «публичную пропаганду идей терроризма», поскольку ее «весьма сложно определить» на практике². Спустя чуть более десяти лет уголовная ответственность за пропаганду терроризма все же была введена, что предоставило уголовно-правовой доктрине и практике новые вопросы для обсуждения, в частности, о разграничении публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма.

² Проект федерального закона № 282601-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму». Таблица поправок, рекомендованных к отклонению; поправки 48, 49 // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/282601-4>

Применению ст. 205² УК РФ сопутствуют не только сложности, связанные с необходимостью оценивать принимаемые решения с точки зрения соблюдения правовых гарантий реализации свободы выражения мнения, но и сохраняющиеся проблемы непротиворечивого толкования соответствующих уголовно-правовых норм и их применения. Проблемы обостряются также в связи с тем, что следственно-судебная практика готова отдать важные правоприменительные вопросы на усмотрение судебным экспертам (в первую очередь экспертам-лингвистам), которые подчас начинают решать не входящие в их компетенцию правовые вопросы.

Отмеченное предопределяет высокую актуальность диссертационного исследования.

Степень разработанности темы. Вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, исследовались в специальной литературе, посвященной уголовно-правовой охране информационной безопасности, противодействию распространению криминогенной информации (А.И. Антипов, А.А. Балашов, М.А. Ефремова, Д.А. Ковлагина, И.М. Кунов и др.), преступлениям террористической направленности (И.А. Анисимова, А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.И. Бушмин, Р.И. Диваева, В.А. Мазуров, Г.Л. Москалев, В.В. Палий, А.И. Рарог, И.В. Шевченко и др.), преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (Д.Ж. Гостькова, Ю.В. Грачева, Т.А. Далгалы, А.А. Задоян, А.Г. Кибальник, А.В. Наумов, А.И. Чучаев и др.). Опубликовано немало научных статей по вопросам квалификации преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ (П.В. Агапов, Д.К. Боков, С.В. Борисов, Е.Б. Вахонина, В.С. Комиссаров, А.А. Кунашев, А.Г. Кибальник, Д.А. Ковлагина, А.В. Лагодин, Д.В. Лобач, Г.Л. Москалев, С.Н. Помнина, И.С. Соломоненко, А.Н. Тарбагаев, А.Г. Хлебушкин, Э.Ю. Чуikliна и др.).

Вместе с тем единственным монографическим исследованием, специально посвященным уголовно-правовому запрету, предусмотренному ст. 205² УК РФ, остается кандидатская диссертация З.А. Шибзухова «Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или

публичное оправдание терроризма» (2012). Написанное более десяти лет назад это исследование еще не могло охватить собой тот более серьезный объем судебной практики, который появился позднее, и не касалось вопросов уголовной ответственности за пропаганду терроризма.

Кроме того, более подробного изучения требуют проблемы применения ст. 205² УК РФ в контексте международных и конституционных гарантий реализации свободы выражения мнения, а также опыт зарубежных государств по криминализации публичного подстрекательства, оправдания, пропаганды терроризма и практике применения соответствующих запретов, что может способствовать разрешению имеющихся в законодательстве и судебной практике Российской Федерации вопросов.

Изложенное свидетельствует о явной недостаточности разработки темы и о необходимости проведения настоящего диссертационного исследования.

Целью исследования является комплексная разработка проблемы уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма, учитывающая международно-правовой, конституционно-правовой, сравнительно-правовой, уголовно-политический, судебно-экспертный и лингвистический аспекты данной тематики.

Указанная цель обусловила постановку и решение следующих основных **задач исследования:**

- оценить соответствие уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 205² УК РФ, международно-правовым обязательствам Российской Федерации, с которыми было связано введение соответствующих положений в российское уголовное законодательство;

- рассмотреть различные правовые подходы (условно называемые в диссертации общеевропейский и североамериканский) к определению пределов уголовно-правовых запретов террористической пропаганды (публичного подстрекательства к совершению террористических преступлений, апологии, оправдания, восхваления, пропаганды терроризма и тому подобных запретов) в

контексте соблюдения международно-правовых и национально-правовых гарантий реализации свободы выражения мнения;

- определить, каким общественным отношениям причиняется вред или создается угроза причинения вреда в результате совершения деяния, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в чем состоит этот вред и каков механизм его причинения;

- установить содержание признаков, являющихся общими для альтернативных форм поведения в составе, предусмотренном ст. 205² УК РФ («распространение информации и (или) материалов», «публичность»), в том числе квалифицированном составе («использование средств массовой информации», «использование информационно-телекоммуникационных сетей»);

- выявить и разрешить существующие противоречия между правовыми и лингвистическими значениями основных в рамках диссертационного исследования понятий «призывы», «оправдание», «пропаганда»;

- рассмотреть основные проблемы квалификации, возникающие при применении ст. 205² УК РФ, и предложить решение данных проблем;

- выработать критерии разграничения действий, предусмотренных ст. 205² УК РФ: публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма, пропаганды терроризма;

- сформулировать рекомендации по применению уголовно-правовых норм об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с установлением и применением уголовно-правовых запретов публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма, в том числе обусловленных их столкновением с гарантированной международными и национальными правовыми нормами свободой выражения мнения.

Предметом исследования являются конституционно-правовые нормы Российской Федерации об основах конституционного строя, правах и свободах человека и гражданина; международно-правовые нормы, предусматривающие обязательства государств по криминализации публичного подстрекательства к террористическим преступлениям, с одной стороны, и защите свободы выражения мнения, – с другой; правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся пределов вмешательства в свободу выражения мнения при применении национальных уголовно-правовых запретов распространения террористической пропаганды, а также правовые позиции Комитета по правам человека ООН; нормы национального уголовного права; правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, нижестоящих судов; научные (теоретические) позиции представителей уголовно-правовой доктрины. Предметом исследования стали также уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за распространение террористической пропаганды, в отдельных иностранных государствах, правовые позиции судов и органов конституционного контроля некоторых зарубежных стран, теоретические воззрения зарубежной уголовно-правовой науки.

Методология диссертационного исследования базируется на одном из универсальных научных методов – диалектическом, что связано, в частности, с необходимостью выявления и изучения возможного противоречия и подходов к согласованию интересов общественной безопасности и гарантированной международными и национальными правовыми нормами свободы выражения мнения. Этот же метод используется в работе при сопоставлении лингвистических и правовых значений основных для исследования понятий – призывов, оправдания и пропаганды.

Среди общенаучных методов, примененных в процессе исследования, выделим системный, который позволил проанализировать законодательные основы и практику применения ст. 205² УК РФ и учесть многоаспектность избранной тематики.

Автором также использовались специальные методы исследования правовых явлений: формально-юридический (при толковании законодательных положений, являющихся предметом исследования); историко-правовой (при анализе признака публичности в составе публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, изучении подходов к наказуемости деяний, совершаемых с использованием средств массовой информации и др.); сравнительно-правовой (при анализе такого общественно опасного последствия рассматриваемых преступлений, как создание опасности совершения преступления, при анализе понятий «призывы», «оправдание терроризма», «пропаганда терроризма», квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» и др.).

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы Российской Федерации; международные договоры, в том числе в которых Российская Федерация не участвует (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.); Резолюция 1624 (2005) Совета Безопасности ООН; Директива Европейского парламента и Совета от 15 марта 2017 г. «О борьбе с терроризмом»; уголовное законодательство ряда зарубежных государств (Великобритании, Испании, Нидерландов, США, Турции, Франции). В работе также проанализированы отдельные положения уголовного законодательства дореволюционной и советской России.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных специалистов в области квалификации преступлений против общественной безопасности, против государственной власти и основ конституционного строя (П.В. Агапов, С.В. Борисов, В.А. Бурковская, Й. Кейлер, А.Г. Кибальник, В.С. Комиссаров, А.А. Кунашев, И.М. Кунов, Ю.Е. Пудовочкин, С.Н. Фридинский, Д.О. Чернявский, А.Г. Хлебушкин, З.А. Шибзухов, А. Шмид и др.), в сфере проблематики ограничения

конституционных прав и защиты свободы выражения мнения, в том числе исследований прецедентной практики Европейского Суда по правам человека и североамериканской доктрины Первой поправки (А. Бойзе, Е. Волох, Б. ван Гинкель, Т. Мендель, Э. Познер, М. Редиш, Я. Ронен, К. Санстейн, С. Сотьо, Ф. Тюлькенс, Ф. Шауэр и др.), специалистов в сфере судебных лингвистических экспертиз, а также лингвистов, в том числе действующих судебных экспертов-лингвистов (А.Н. Баранов, Е.И. Галяшина, И.В. Гарт, Л.М. Голиков, И.М. Кобозева, Э.П. Лаврик, В.Д. Никишин, М.А. Осадчий, Т.Б. Радбиль, Е.В. Щенникова и др.). В диссертации нашли отражение работы отечественных специалистов в области уголовного права, посвященные общей теории квалификации преступлений и учению о составе преступления (М.С. Гринберг, П.С. Дагель, А.В. Иванчин, Д.П. Котов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Н.Е. Крылова, В.Б. Малинин, К.В. Ображиев, А.А. Пионтковский, А.И. Рарог, П.С. Яни и др.).

Эмпирическую основу исследования составили:

- результаты анализа неопубликованной судебной практики Российской Федерации, включающей материалы 45 уголовных дел по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, рассмотренные Московским окружным военным судом (ныне – 2-ой Западный окружной военный суд) в период 2015-2020 г.;
- результаты изучения 28 судебных актов, вынесенных Верховным Судом РФ и нижестоящими судами (преимущественно за 2018-2023 г.), размещенных на сайтах судов и в справочных правовых системах Российской Федерации;
- результаты изучения действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам правоприменения за 2002-2023 г.;
- результаты изучения судебной практики Конституционного Суда РФ за 2011-2023 г.;
- результаты изучения судебной практики Европейского Суда по правам человека за 1999-2023 г.;

– результаты изучения практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за публичное оправдание (прославление, апологию) террористических преступлений, поощрение, пропаганду и материальную поддержку терроризма в зарубежных странах (Бельгии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Испании, Нидерландов, Соединенных Штатов Америки, Турции, Франции);

– результаты изучения практики официальных лиц и договорных органов Организации Объединенных Наций (Генерального секретаря ООН, Комитета по правам человека ООН, Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом), а также результаты изучения отчетов государств-участников Контртеррористическому комитету об осуществлении Резолюции 1624 (2005) Совета Безопасности ООН;

– результаты изучения проектов федеральных законов Российской Федерации и материалов законопроектной работы по ним;

– результаты изучения материалов, касающихся процесса подготовки и принятия Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (2005);

– результаты изучения материалов средств массовой информации Российской Федерации и зарубежных стран;

– результаты анализа данных официальной статистики.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней автором:

– внесен вклад в разработку проблемы уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма, что выразилось в уточнении терминологического аппарата, раскрытии содержания элементов и признаков преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в частности, выявлены, охарактеризованы, разрешены противоречия, существующие между лингвистическими и правовыми значениями основных в диссертационном исследовании понятий – «призывы», «оправдание», «пропаганда»; предложено решение проблемы преувеличенного значения заключений судебных экспертов

по изучаемой категории дел; обоснованы альтернативные решения проблемы разграничения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма; предложены решения проблемы разграничения публичных призывов к осуществлению преступной деятельности и подстрекательства к совершению преступления, определения субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, момента окончания и отдельных вопросов соучастия в указанном преступлении;

– представлены новые результаты исследования о соответствии уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 205² УК РФ, международно-правовым и конституционным гарантиям свободы выражения мнения;

– сформулированы рекомендации правоприменителю по толкованию и применению такого признака состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, как распространение информации и материалов, в том числе с учетом особенностей распространения с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей; а также признака публичности, в том числе на основе проведенного историко-правового анализа;

– введена в научный оборот информация, содержащаяся в зарубежных научных исследованиях, не издававшихся на русском языке, а также отражены не получившие широкого распространения в современных уголовно-правовых исследованиях отдельные работы российских ученых-криминалистов конца XIX - начала XX века, в частности В.Д. Набокова, Н.С. Тимашева.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отказ российского законодателя от предложенного в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (2005) подхода к конструированию уголовного-правового запрета публичного подстрекательства к совершению террористического преступления (с указанием двух его признаков – намерения побудить к террористическому преступлению и создания в результате такого побуждения опасности совершения данного преступления) усиливает значение правоприменительной практики в обеспечении разумного

баланса между необходимостью защиты общественной безопасности и соблюдением гарантированной международными и национальными правовыми нормами свободы выражения мнения при применении ст. 205² УК РФ.

Обеспечение указанной свободы на правоприменительном уровне предполагает решение вопроса, не является ли преследуемое поведение реализацией свободы выражения мнения, среди прочего заставляя правоприменителя устанавливать общественно опасные последствия, причиняемые распространением той или иной информации и (или) материалов, несмотря на конструирование состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, по типу формального.

2. Хотя составляющими общественной безопасности – непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ – являются объективное состояние защищенности общества от опасности совершения преступных посягательств (внешний аспект) и субъективная уверенность граждан в обеспеченности такого состояния (внутренний аспект), общественная опасность указанного деяния, предопределяющая его криминализацию, не должна связываться исключительно с причинением вреда внутреннему аспекту безопасности. Общественная опасность таких деяний объясняется прежде всего порождаемой ими угрозой совершения преступлений террористической направленности отдельными лицами или в составе преступных организаций, которая (угроза) в свою очередь может влиять на уровень субъективной уверенности населения или его групп в своей безопасности.

Опасность осуществления террористической деятельности другими лицами связывается со способностью того или иного высказывания убеждать, направлять аудиторию, побуждать к совершению или не совершению каких-либо действий. Указанная практическая (деятельная) сила высказывания порождается как коммуникативной направленностью (содержанием) высказывания, так и его контекстом (формой и способом передачи сообщения, значимостью или известностью автора сообщения, характеристиками адресата, ситуацией,

сложившейся в области безопасности во время опубликования сообщения и проч.). На основании содержания и контекста, с одной стороны, должен уясняться смысл самого сообщения, с другой, – оцениваться его потенциальная опасность (воздействие, которое оно может оказать на адресата).

3. Установлению подлежит объективный смысл высказывания, то есть тот, которым оно обладает в восприятии непредвзятого и способного к восприятию информации адресата. Объективный смысл высказывания определяется исходя из употребляемых слов, языкового контекста, сопутствующих высказыванию обстоятельств, в той мере в которой они доступны адресатам, а также характеристик самого адресата. Субъективное намерение высказывающегося при определении объективного смысла решающим не является.

Если высказывание многозначно, то толкование его в ущерб обвиняемому возможно лишь в том случае, если все иные варианты понимания обоснованно исключены. С учетом того значения (часто преувеличенного), которое придается правоприменительной практикой заключениям экспертов-лингвистов, перед ними необходимо ставить вопросы обо всех объективно возможных, альтернативных смыслах текстов, являющихся объектом судебной экспертизы.

При оценке того, способно ли то или иное сообщение оказать опасное воздействие на адресатов, создающее угрозу осуществления ими террористической деятельности, правоприменитель, обращаясь за помощью к судебным экспертам, не должен ограничиваться лишь общим вопросом о наличии в представленном на экспертизу материале признаков побуждения, оправдания или пропаганды. Необходимо, чтобы эксперты, основываясь на достижениях науки (речь может идти не только о психологической, но и социологической науке), могли пояснить суду, какие обстоятельства совершения деяния свидетельствуют о достоверной вероятности влияния тех или иных высказываний на убеждения и поведение адресатов.

4. Признак распространения информации и (или) материалов в составе пропаганды терроризма не является бланкетным и не требует обращения, в

частности, к определению распространения информации, содержащемуся в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2006 г. Понятие распространения информации и (или) материалов в ст. 205² УК, имея отраслевое (уголовно-правовое) содержание, означает любое расширение круга лиц, которые потенциально могут попасть под воздействие такой пропаганды, что предполагает, что информация и (или) материалы передаются и становятся доступными как неопределенному, так и определенному кругу лиц.

С объективной стороны публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, как и пропаганда терроризма, состоят в распространении информации и (или) материалов, но в отличие от пропаганды терроризма:

а) предполагают личное обращение, то есть распространение информации и (или) материалов, содержание которых виновное лицо распознаваемо одобрило, идентифицировало в качестве собственного сообщения;

б) не требуют в качестве обязательного признака системности действий по распространению информации и (или) материалов;

в) содержат в качестве обязательного признака публичность распространения информации и (или) материалов.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, характеризуется, помимо прямого умысла, конечной целью, присущей каждой из указанных в ст. 205² УК РФ альтернативных форм поведения, а именно целью вовлечь других лиц в осуществление террористической деятельности. Указанная цель может в зависимости от конкретной формы поведения выражаться в цели побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности, сформировать у них идеологию терроризма или представление о допустимости осуществления террористической деятельности. Отсутствие такой цели будет означать отсутствие преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ.

5. Сложности, связанные с определением публичности в ст. 205² УК РФ, являются частью общей проблемы толкования и применения уголовно-

правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершенные публично. Понятие публичности, будучи относительно оценочным, может и должно определяться применительно к разным составам (группам составов) преступлений по-разному, исходя из места той или иной уголовно-правовой нормы в системе и взаимосвязи с другими уголовно-правовыми нормами, в том числе с учетом охраняемых ими объектов, что не противоречит принципу единства терминологии.

Для целей применения ст. 205² УК РФ под совершением указанных в ней деяний публично предлагается понимать обращенность и доступность распространяемой информации или материалов неопределенному кругу лиц, что предполагает намерение виновного оказать влияние на взгляды, убеждения или поведение адресатов, которые не индивидуализируются на момент обращения. Речь идет о реализованном намерении обратиться к любому, кто находится в определенном месте или может ознакомиться с обращением. Публичность, таким образом, связывается в первую очередь с характеристикой адресата, к которому обращена и которому доступна соответствующая информация и (или) материалы.

6. Распространение информации (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это передача (сообщение) информации другому лицу или другим лицам, в результате которой информация становится известной хотя бы одному из них (непубличное распространение), либо передача (сообщение) информации неопределенному кругу лиц, в результате которой информация становится доступной такому кругу лиц (публичное распространение).

Распространение материалов (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это передача материалов другому лицу или другим лицам, в результате которой хотя бы одно лицо получило, стало обладателем таких материалов (непубличное распространение), либо передача материалов одному, нескольким или неопределенному числу лиц, в результате которой материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц (публичное распространение).

Распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей должно определяться в качестве самостоятельных понятий в связи с существующими особенностями распространения информации и (или) материалов указанными способами.

7. Распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это сообщение или передача информации и (или) материалов неопределенному кругу лиц посредством предоставления информации для публикации (демонстрации, трансляции) в средствах массовой информации или принятия решения о выпуске в свет (эфир) продукции средства массовой информации, а также передача информации и (или) материалов, осуществляемая распространителями и вещателями, действующими во исполнение общего преступного плана с лицами, предоставляющими информацию и (или) материалы для публикации (демонстрации, трансляции) или принимающими решение о выпуске в свет (эфир) продукции средств массовой информации, когда в результате указанных действий информация и (или) материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц.

8. Распространение информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это передача (сообщение) информации через информационно-телекоммуникационные сети или размещение материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, в результате которых указанные информация и (или) материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц, а равно совершение информационным посредником заранее обещанных действий по передаче, предоставлению возможности размещения или доступа к указанным информации и материалам. Бездействие информационного посредника, заключающееся в неисполнении обязанности по удалению или ограничению доступа к информации или материалам, распространением не является.

Под материалом, распространяемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, предлагается понимать информацию, представленную в электронной форме, ознакомление с которой возможно в течение всего срока ее размещения в информационно-телекоммуникационной сети, неограниченное число раз лицом или лицами, имеющими к ней доступ.

9. Распространение материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, состоящее в их размещении пользователем, не образует состав длящегося преступления. Такое размещение (публикация) является одноактным действием, момент окончания которого определяется моментом появления у других лиц возможности ознакомления с тем или иным материалом. Последующее нахождение материала в информационно-телекоммуникационной сети, дающее возможность ознакомиться с ним неопределенному кругу лиц, не может расцениваться как непрерывное осуществление состава данного преступного деяния, что характерно для длящегося преступления, поскольку доступность материала неопределенному кругу лиц должна рассматриваться в качестве результата его размещения, который определяет момент юридического и фактического окончания рассматриваемого преступления.

Вместе с тем неоднократное распространение информации и (или) материалов может признаваться продолжаемым преступлением, если такое распространение охватывается единым умыслом виновного лица. Единый умысел устанавливается, исходя из продолжительности разрыва во времени между публикациями, единства места размещения информации или материалов (например, на одном информационном ресурсе или в одной и той же группе в социальной сети), непосредственного контекста, в котором осуществлялось их опубликование (например, единая целевая направленность материалов на личной странице в социальной сети), тождественности мотивов и целей виновного, а также других обстоятельств. При этом единство умысла не исключает, что он может носить характер возобновляемого: не требуется, чтобы

умысел на все входящие в продолжаемое преступление тождественные деяния возник у лица до начала или в процессе совершения первого из них.

10. Следует разграничивать публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма не только по признакам, указанным в выносимом на защиту положении № 4, но и по содержанию распространяемой информации (материалов).

При публичном оправдании терроризма распространяются сообщения, убеждающие других лиц в том, что конкретные совершенные или совершаемые преступления террористической направленности должны рассматриваться как допустимое поведение, то есть такое, которое при необходимости может или должно воспроизводиться, но, в отличие от призывов к осуществлению террористической деятельности, не содержащие прямого (явно выраженного) побуждения других лиц к осуществлению террористической деятельности.

В отличие от публичного оправдания терроризма, которое связывается с оправданием конкретных совершенных или совершаемых преступлений, пропаганда терроризма, когда она совершается публично, заключается в распространении информации и (или) материалов, которые по своему смыслу так же, как и оправдание терроризма, состоят в убеждении адресата в допустимости осуществления террористической деятельности, но вне связи с конкретными совершенными или совершаемыми преступлениями, в том числе лицами и группами (организациями), причастными к их совершению. Когда смыслом сообщения, распространенного непублично, вне зависимости от указанного выше содержания сообщения, является убеждение адресата в допустимости осуществления террористической деятельности, действия лица могут квалифицироваться как пропаганда терроризма. В этом случае необходимо также разрешать вопрос о разграничении пропаганды терроризма с составом вовлечения в террористическую деятельность (ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ).

В отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, которые содержат прямое (явно выраженное) побуждение других

лиц к совершению соответствующих преступлений, при пропаганде терроризма, когда она совершается публично, коммуникативная направленность распространяемого сообщения состоит в формировании у адресата идеологии терроризма или убежденности в допустимости осуществления террористической деятельности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Изложенные в диссертации научные выводы и положения могут способствовать развитию научной дискуссии по проблемам криминализации деяний, связанных с пропагандой тех или иных идей, взглядов, представлений; развитию теории уголовного права по вопросам а) соотношения преступного подстрекательства, публичных призывов к совершению преступлений, оправдания и пропаганды преступной деятельности и запрещенных идеологий, б) квалификации преступлений, связанных с распространением информации и (или) материалов, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей; развитию междисциплинарных исследований на стыке права прав человека, конституционного и уголовного права по вопросам ограничения свободы выражения мнения уголовно-правовыми средствами, а также на стыке лингвистических и правовых исследований по вопросам квалификации преступлений, связанных с осуществлением речевых актов.

Кроме того, положения диссертации могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности не только в контексте реформирования или применения ст. 205² УК РФ, но и других уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступное распространение той или иной информации.

Материалы диссертации будут полезны в процессе преподавания общих курсов уголовного права и криминологии, а также специальных курсов по вопросам квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, в организациях высшего профессионального образования.

Достоверность исследования обусловлена методологией исследования, применяемым при разрешении рассматриваемых проблем системным подходом,

изучением опыта иностранных правопорядков, теоретической и эмпирической базой исследования, состоящей из значительного массива научных работ отечественных и зарубежных специалистов, а также материалов уголовных дел.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные результаты диссертации изложены автором в 6 научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России (утв. Решением Ученого совета МГУ 20 марта 2023 г.).

Основные результаты исследования были освещены в докладах и сообщениях автора на научных конференциях и круглых столах: Совместной Международной научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок» в рамках VIII Московской юридической недели (Москва, 2018); Круглом столе «Интернет на службе террористической пропаганды: международный и зарубежный опыт противодействия» (Москва, 2020); Международной конференции «Concept of Enemy Criminal Law in Modern Law» (Лейден, Нидерланды, 2020); Кузнецовских чтениях «Конституция РФ и уголовный закон: проблемы взаимодействия» в рамках X Московской юридической недели (Москва, 2020). Отдельные положения и выводы диссертации докладывались автором на заседаниях Клуба уголовного права «De lege lata» в рамках двух круглых столов: «Пределы действия нормы об ответственности за публичное подстрекательство к терроризму» (2021) и «Публичное оправдание и пропаганда терроризма: где заканчивается свобода выражения мнения?» (2021). Результаты исследования использовались в учебном процессе при чтении лекций и проведении семинарских занятий в рамках общего курса уголовного права, обязательной дисциплины магистратуры «Актуальные проблемы Общей части уголовного права», а также докладывались на заседании кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где получили одобрение.

Структура диссертации predetermined обозначенными выше целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, охватывающих 13 параграфов, заключения и библиографического списка.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении охарактеризованы актуальность темы исследования, степень ее разработанности, цели и задачи, объект и предмет исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, методология исследования, положения, выносимые на защиту, а также степень достоверности, апробация результатов и структура диссертации.

Первая глава «Международно-правовые и национально-правовые основы уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма» включает четыре параграфа.

В первом параграфе «Уголовно-правовой запрет публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма в аспекте международно-правовых обязательств Российской Федерации» состав преступления, предусмотренный ст. 205² УК РФ, рассматривается в контексте Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. (далее – Варшавская конвенция) и Резолюции Совета Безопасности ООН 1624 (2005) (далее – Резолюция), предусматривающих установление ответственности за публичное подстрекательство к совершению террористического преступления в рамках национальных правовых порядков.

Констатируется, что несмотря на то, что российский законодатель вышел за пределы криминализации, которые диктовались ст. 5 Варшавской конвенции и постановляющей частью Резолюции, возможность такого «выхода» была предопределена компромиссным характером этих документов. Избранный российским законодателем подход к конструированию соответствующего состава преступления сравнивается с аналогичными положениями уголовного законодательства Испании и Франции, воплощающими концепцию *«apologie du terrorisme»* (франц. «восхваление терроризма»), которая изучалась в процессе подготовки Варшавской конвенции ее разработчиками.

Отмечается, что, выступая мерой ранней превенции, широкие уголовно-правовые запреты террористической пропаганды призваны предотвратить

процессы радикализации, в результате которых отдельные лица принимают террористическое насилие как допустимый и правильный образ действий. Подчеркивается, что разумный баланс между интересами общественной безопасности и конституционными правами может и должен обеспечиваться на уровне правоприменительной практики.

Во втором параграфе «Уголовно-правовой запрет публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма в свете свободы выражения мнения» кратко освещаются основные теории свободы выражения мнения, в их контексте представляются результаты изучения актуальной практики Верховного Суда США и Европейского Суда по правам человека, воплощающей два основных подхода к обеспечению баланса между свободой выражения мнения и интересами общественной безопасности при криминализации распространения сообщений, призывающих к осуществлению террористической деятельности, оправдывающих, пропагандирующих совершение террористических преступлений.

Рассмотрена проблема уголовной ответственности за деяния, в основе которых лежат те или иные высказывания, отмечается, что основная сложность состоит в определении границы между речевым поведением, которое в причинном отношении к вредному результату является бездеятельным, и тем, которое носит каузальный характер.

Исследуется вопрос о том, какова должна быть близость и степень опасности осуществления террористической деятельности в результате распространения тех или иных сообщений, чтобы такое распространение могло быть запрещено без нарушения гарантий свободы выражения мнения. Решение зависит как от правовых традиций, так и от того контекста, в том числе уровня террористической угрозы, в котором приходится существовать тому или иному государству. Причем именно второе обстоятельство оказывает серьезное влияние на ослабление привычных для различных правовых порядков стандартов защиты указанной свободы.

В третьем параграфе «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма как преступные посягательства на общественную безопасность» рассматриваются понятия общественной безопасности, общественного спокойствия и публичного порядка, в разных правовых порядках обозначающие объект, который охраняется уголовно-правовыми запретами распространения сообщений, призывающих к осуществлению террористической деятельности, оправдывающих, пропагандирующих терроризм. Констатируется, что в основе каждого из указанных понятий лежат преимущественно два аспекта – объективное состояние защищенности общества от опасности совершения преступных посягательств и субъективная уверенность граждан в обеспеченности такого состояния. Автор связывает общественную опасность рассматриваемых деяний прежде всего с создаваемой ими опасностью совершения преступлений террористической направленности другими лицами.

Анализируются сложившиеся в науке подходы к объяснению механизмов создания указанной опасности. Отмечается, что при публичных призывах к осуществлению террористической деятельности опасность совершения соответствующих преступлений другими лицами обычно связывается с непосредственным побудительным воздействием, оказываемым на поведение адресатов. В случаях же публичного оправдания и пропаганды терроризма указанная опасность чаще всего опосредуется формированием у других лиц идеологии терроризма, представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Автор обосновывает подход, согласно которому суды не могут полностью устраниваться от установления общественно опасных последствий, причиняемых запрещенными ст. 205² УК РФ действиями, несмотря на формальную конструкцию состава рассматриваемого преступления.

В четвертом параграфе «Проблемы определения вреда, причиняемого общественной безопасности публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичным оправданием и пропагандой

терроризма» автор, основываясь на анализе судебной практики Европейского Суда по правам человека, Комитета по правам человека ООН, российских судов, органов конституционного контроля отдельных зарубежных стран, демонстрирует сложности, с которыми сталкивается правоприменитель, оценивая опасность вовлечения других лиц в террористическую деятельность в результате распространения сообщений, призывающих к осуществлению террористической деятельности, оправдывающих, пропагандирующих террористическую деятельность и идеологию терроризма. Констатируется важность установления не только объективного смысла распространяемых сообщений, но и их влияния на убеждения и поведение адресатов. Демонстрируется принципиальность учета контекста высказывания, наряду с его содержанием, для разрешения двух указанных вопросов. Обсуждается роль судебных экспертов и значение их заключений в достижении этих задач.

Вторая глава «Распространение информации и (или) материалов как деяние, образующее объективную сторону публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма» включает пять параграфов.

В первом параграфе «Понятие распространения информации и (или) материалов в определении пропаганды терроризма» рассматривается понятие распространения информации и (или) материалов, содержащееся в примечании 1¹ к ст. 205² УК РФ.

Изучив определения распространения информации (сведений, материалов), предлагаемые в уголовно-правовой доктрине и на практике, автор формулирует определения распространения информации и распространения материалов для целей применения ст. 205² УК РФ, отмечая при этом, что распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей должно определяться в качестве самостоятельных понятий.

Автором рассматриваются понятия информации и материалов, делается вывод, что несмотря на встречающиеся мнения о нецелесообразности

упоминания в определении пропаганды терроризма как информации, так и материалов, такое законодательное указание может приобретать смысл, если учитывать разные моменты окончания преступного распространения информации и материалов.

Анализируя понятие «деятельность» в определении пропаганды терроризма, автор приходит к выводу, что указанный признак предполагает, что распространение информации и (или) материалов при пропаганде терроризма носит системный характер.

Во втором параграфе «Распространение информации и (или) материалов как признак публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма» отмечаются сложности, связанные с отсутствием в ст. 205² УК РФ конкретизации действий, посредством которых совершаются публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма.

Осуществленный историко-правовой экскурс позволил автору заключить, что произошедший на определенном этапе развития российского уголовного законодательства отказ от описания способов, которыми сообщения, возбуждающие к преступным деяниям или восхваляющие их, доводятся до сведения других лиц, связан с тем, что они были заменены указанием на публичность совершения соответствующих общественно опасных действий. Делается вывод, что в основе публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма лежит распространение информации и (или) материалов определенного содержания.

В третьем параграфе «Публичность распространения информации и (или) материалов» автором выделяется пять возможных подходов к определению понятия публичности, отмечается существование общей проблемы толкования и применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершенные публично, констатируется, что

указанный признак может и должен определяться применительно к разным составам преступлений по-разному.

Осуществив историко-правовой анализ вопроса, автор приходит к заключению, что публичность в составе преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, связывается в первую очередь с характеристикой адресата, к которому обращено и доступно соответствующее сообщение, – им является неопределенный круг лиц, что в частности отличает публичные призывы от подстрекательства к совершению преступления. Подчеркивается, что публичность сама по себе не характеризует степень конкретизации преступного деяния, к которому осуществляется побуждение при публичных призывах к осуществлению террористической деятельности.

В четвертом параграфе «Понятие распространения информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации» отмечается, что российский уголовный закон не предусматривает каких-либо специальных правил квалификации преступных деяний, совершаемых посредством использования средств массовой информации (СМИ). На примерах испанского и французского законодательства демонстрируется иной подход к указанному вопросу, раскрывается содержание действующей в этих правовых системах модели постепенной, или каскадной ответственности.

Отмечается, что вопрос о круге лиц, подлежащих уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением запрещенной информации и (или) материалов с использованием СМИ, в российском праве традиционно разрешается на основании общих положений о соучастии в преступлении, несмотря на то, что российским дореволюционным правом была частично воспринята модель постепенной ответственности.

Автором формулируется определение распространения информации и (или) материалов с использованием СМИ с учетом специфики доведения их до публики указанным способом.

В пятом параграфе «Понятие распространения информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных

сетей» по вопросу о понятиях информации и материалов констатируется, что различия между ними становятся малозаметными при их распространении с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС), формулируются определения информации и материалов, распространяемых указанным способом.

Отмечается, что распространение информации и (или) материалов с использованием ИТС осуществляется в первую очередь пользователями указанных сетей, передающими сообщения через указанные сети или размещающими в них материалы. Распространителями могут быть названы также лица, лично выступающие с сообщениями, которые по их просьбе, с их ведома или согласия размещаются в ИТС другими лицами. Объективно задействованными в распространении информации и (или) материалов также оказываются и те, кто технически обеспечивает доведение их до адресата – информационные посредники. Обращается внимание на регулирование ответственности информационных посредников в уголовном законодательстве Франции и Великобритании.

Автором формулируется определение распространения информации и (или) материалов с использованием ИТС, в котором в частности отражается момент окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ («с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»»). Рассматривается дискуссия по вопросам признания указанного преступления длящимся и продолжаемым, обосновывается отрицательный ответ на первый и положительный – на второй из них.

Третья глава «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: проблемы определения и разграничения» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Объективные и субъективные признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма: общие замечания»

обращается внимание на подлежащие разрешению противоречия между лингвистическими и правовыми значениями понятий призывов, оправдания, пропаганды. Излагается сущность теории речевых актов, которой пользуются лингвисты при определении указанных понятий. Обсуждается роль экспертов-лингвистов, привлекаемых к участию в уголовном процессе по делам рассматриваемой категории.

Автор анализирует общую проблему определения вины в преступлениях, составы которых сконструированы по типу формальных, в том числе с учетом дискуссии о толковании ч. 2 ст. 24 УК РФ. На примере запрета поощрения терроризма, действующего в уголовном праве Великобритании, рассматривается вопрос о возможности неосторожной формы вины в подобных преступных деяниях. Делается вывод об умышленном характере преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, обосновывается, что определение умышленной формы вины предполагает установление психического отношения лица не только к общественной опасности деяния, но и последствиям, тесно связанным с совершаемыми действиями.

Раскрываются сложности, связанные с определением террористической деятельности, терроризма, практики терроризма, идеологии терроризма.

Во втором параграфе «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» рассматриваются подходы к определению призывов в лингвистике и уголовном праве. Делается вывод, что призывы к осуществлению террористической деятельности предполагают распространение информации и (или) материалов, содержащих прямое (явно выраженное) побуждение других лиц к совершению преступлений, перечисленных в примечании 2 к ст. 205² УК РФ.

Раскрывается дискуссия по вопросу о степени конкретизации деяния, к совершению которого осуществляется призыв, в сравнении с аналогичными требованиями, предъявляемыми к подстрекательству.

В связи с рассмотрением публичных призывов к осуществлению террористической деятельности как деяния, связанного с личным заявлением

виновного (с учетом аналогичного подхода в немецкой уголовно-правовой науке), анализируется вопрос правовой оценки распространения чужих сообщений, содержащих такие призывы, в сети «Интернет».

Автор характеризует субъективную сторону публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, обозначая в качестве ее обязательных признаков не только прямой умысел, но и цель побуждения других лиц к совершению преступления.

В третьем параграфе «Публичное оправдание терроризма» анализируется законодательное определение публичного оправдания терроризма и лингвистическое значение понятия оправдания с позиции теории речевых актов. Делается вывод, что в основе оправдания терроризма лежит заявление, объективным смыслом которого является убеждение других лиц в том, что террористическая деятельность, являясь дозволенным, допустимым поведением, может и должна воспроизводиться. Автор ограничивает содержание распространяемого заявления оправданием конкретных совершенных (совершаемых) преступлений террористической направленности, в том числе посредством оправдания лиц или организаций, причастных к их совершению. Отмечается, что такой подход характерен для схожих видов преступлений в законодательстве Франции, Испании, Германии.

Обсуждается проблема квалификации распространения чужих заявлений, оправдывающих терроризм, в свете позиции автора, согласно которой публичное оправдание терроризма также, как и публичные призывы, связано с личным заявлением виновного.

Исследованы различные подходы, сложившиеся в уголовно-правовой доктрине и на практике к характеристике субъективной стороны публичного оправдания терроризма, определены ее признаки, в том числе цель побуждения других лиц к осуществлению террористической деятельности или формирования у них представления о ее допустимости.

Рассматривается и разрешается вопрос разграничения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма с учетом содержания распространяемых сообщений.

В четвертом параграфе «Пропаганда терроризма» анализируется законодательное определение пропаганды терроризма и лингвистическое ее значение. Делается вывод, что в основе пропаганды терроризма лежат сообщения, направленные на формирование у других лиц представления о допустимости осуществления террористической деятельности, в том числе с изложением той или иной системы взглядов, призванных легитимировать осуществление террористической деятельности.

Автор рассматривает позиции, сложившиеся в теории и на практике относительно характеристики субъективной стороны пропаганды терроризма, определяет ее признаки, в числе которых называет цель формирования у других лиц идеологии терроризма или представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Рассмотрены различные подходы к разграничению пропаганды терроризма и двух других альтернативных форм преступного поведения, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в том числе с учетом решений аналогичной проблемы в уголовном законодательстве Нидерландов, Великобритании, Турции. Подчеркивается, что окончательное разрешение указанного вопроса, позволяющее свести к минимуму число правоприменительных ошибок, возможно лишь на законодательном уровне.

В заключении диссертации изложены основные выводы, полученные в результате проведенного исследования, обозначены перспективы дальнейшей разработки темы.

Библиография содержит ссылки на использованные в диссертации материалы.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ РАБОТЫ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности:

1) Костылева О.В. Применение уголовно-правовой нормы о запрете оправдания терроризма в аспекте реализации принципа ненаказуемости мыслей и убеждений // Уголовное право. 2012. № 3. С. 32-41. (0,9 п.л.). (2-летний ИФ РИНЦ – 0,660).

2) Костылева О.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: новые разъяснения Пленума Верховного Суда и международные стандарты в области прав человека // Уголовное право. 2018. № 6. С. 66-80. (0,9 п.л.). (2-летний ИФ РИНЦ – 0,660).

3) Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма с использованием сети Интернет: к вопросу о делящихся и продолжаемых преступлениях // Уголовное право. 2021. № 4 (128). С. 7-18. (0,9 п.л.). (2-летний ИФ РИНЦ – 0,660).

4) Костылева О.В. Пределы уголовно-правового запрета публичной апологии терроризма: опыт конституционного контроля во Франции и в Испании // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 5. С. 70-97. (1,6 п.л.). (2-летний ИФ РИНЦ – 0,526).

5) Костылева О.В. Признак публичности призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ) в сравнительно-правовом контексте // Уголовное право. 2023. № 10 (158). С. 44-60. (1,2 п.л.). (2-летний ИФ РИНЦ – 0,660).

6) Костылева О.В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX-XXI веков // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 1. С. 159-178. (1 п.л.). (2-летний ИФ РИНЦ – 0,526).